

Владимир Соловьев

Империя Коррупции

ТЕРРИТОРИЯ
РУССКОЙ
НАЦИОНАЛЬНОЙ
ИГРЫ

Владимир Рудольфович Соловьев Империя коррупции. Территория русской национальной игры

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3004175

Империя коррупции : Территория русской национальной игры: Эксмо; М.:; 2012

ISBN 978-5-699-54425-7

Аннотация

Россия сверху донизу заражена коррупцией. Означает ли это, что у нее нет будущего? Вовсе нет. Простой пример: вы можете себе представить организм, в котором нет бактерий? Это невозможно. Микробы нужны обязательно. Другое дело, когда численность популяции перерастает некий критический предел – это означает, что организм тяжело болен. Но когда бактерии присутствуют в мизерных количествах, это вполне всех устраивает. Так и с коррупцией: пока не расцветает махровым цветом, все готовы мириться. Но когда наглость и жадность переходят все границы – необходимо лечить болезнь. Как это сделать, если каждый раз, когда у нас создаются структуры по борьбе с коррупцией, они превращаются в центры по получению денег? Когда выясняется, что борьба с коррупцией – дорогое удовольствие, за это место надо заплатить, но оно себя окупит – ведь оно очень, очень прибыльное. Какая же метла должна прийти, чтобы победить такую систему, и можно ли ее вообще победить?

Содержание

Предисловие	4
Глава 1	6
Глава 2	12
Глава 3	18
Глава 4	23
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Владимир Соловьев

Империя коррупции: Территория русской национальной игры

*Corruption – коррупция; порча; гниение; распад; разложение; упадок; порочность; развращенность.
Англо-русский словарь общей лексики*

Предисловие

Борьба с коррупцией – это русский национальный вид спорта. С коррупцией борются все. При этом, судя по тому, что каждый последующий руководитель начинает с того, что ставит задачу борьбы с коррупцией, она неизменно побеждает. Почему? Это что, такое страшное заболевание, которое при всем старании нельзя вылечить? Или мы пытаемся бороться с чем-то, что на самом деле коррупцией в общепринятом понимании не является, поэтому все наши попытки обречены на провал?

Дмитрий Медведев, став президентом, первым делом создал две комиссии. Первая – по улучшению работы судебной системы, вторая – по борьбе с коррупцией. Собрали всех возможных экспертов. Прошло несколько лет – и, как я понимаю, задача борьбы с коррупцией по-прежнему остается одной из основополагающих, хотя нельзя отрицать, что многое в этой области все-таки было сделано. И декларации о доходах стали заполнять и публично обсуждать, и ряд генералов был отправлен в отставку за то, что в своих декларациях они указали неточную информацию, а на одного даже завели уголовное дело. Однако в массовом сознании перелом так и не наступил.

Надо сказать, что, когда я слышу рассуждения о коррупции, все они кажутся мне скорее литературными, чем юридическими. Цитируют Карамзина, говорят, что воруют и всегда воровали, вспоминают Салтыкова-Щедрина, разводят руками, с легкой грустью улыбаются и... продолжают воровать. Народ реагирует на любые призывы к борьбе с коррупцией как на лозунг «Пчелы против меда» и особо не верит. Во многом потому, что, по крайней мере в последние годы, пределом мечтаний многих стала работа в органах власти, подразумевающая высочайший уровень доходов – конечно, неофициальных. Разве это возможно без коррупции? Вопрос риторический. Кроме всего прочего, Россия занимает крайне оскорбительные позиции в рейтингах стран, где удобно делать бизнес, и прочно удерживает верхние строчки в рейтингах стран, где коррупция всеобъемлюща.

О коррупции говорят все. При этом есть несколько базовых заблуждений. Главное из них: милиционер, берущий деньги, гаишник, берущий деньги, врач, берущий деньги, учитель, берущий деньги, журналист, берущий деньги, – это все коррупционеры. Когда же мы поднимаемся на уровень выше, то там сталкиваемся уже не с коррупцией – что вы, что вы! – а с административной рентой. Получается, что в высоких креслах сидят уже не воры, мздоимцы и преступники, а милые интеллигентные рантье, которые всего лишь извлекают возможности из своего положения. Время от времени общество взбрыкивает, хватается за голову, кричит: «Ну как так можно, это уже чересчур!» – и тогда наступает момент внезапного отторжения. У власти открываются глаза, она обращает внимание на специфику деятельности московского правительства под руководством Лужкова, ужасается и путем сложных ритуальных танцев все-таки отправляет Лужкова в отставку, попутно в тюрьме либо под

следствием оказывается ряд префектов. При этом, к сожалению, в системном отношении так ничего и не меняется.

В этой книге мы, безусловно, попытаемся привести конкретные примеры коррупции и описания коррупционной системы, существующей как в госкорпорациях, так и в муниципальных образованиях, как в министерствах, так и в разнообразных ведомствах. Но самое главное – попытаемся понять, что же за беда напала на нашу страну и почему мы никак не можем ее побороть.

Глава 1

Давайте на одну минуту представим, что в стране нет коррупции. Совсем. Пришли вы в больницу лечиться, а там коррупции нет... и нянечки за больными не убирают. Пожалуйста, сами, если хотите, мойте пол, выносите судна, меняйте простыни. И лекарств нет. Будут по разнарядке через три месяца. А что больной за это время умрет – ну, значит, не судьба. Вот так приехала к старику «Скорая помощь» и без всякой коррупции никуда его не повезла. Или привезла в ту больницу, куда ехать было ближе. Ну и что, что эта больница плохая? Зато без коррупции.

Остановил вас гаишник – и нет никакой коррупции. А время у него есть. Вот он вас и проверяет. Вроде вы ничего не нарушили, а он все проверяет и проверяет – и абсолютно никакой коррупции нет. У инспектора же есть право вас проверить – мало ли, может, у вас вид подозрительный или машина того же цвета и марки, что и у вас, числится в угоне, – и весь рабочий день впереди. Это у вас какие-то дела и вы куда-то спешите, а у него все в порядке. А еще ему кажется, что вы выпили. Только кажется. Он же может ошибаться? Конечно может, но достоверно это выяснится только в медпункте, поэтому езжайте-ка на освидетельствование. Что значит «нет времени»? Разве в вашем графике пары лишних часов на данный случай не предусмотрено? Очень жаль, но ведь и коррупции нет, так что езжайте спокойно.

Нет коррупции, прекрасно. И ваш ребенок не может поступить в университет. Нет, он хорошо учился – просто он не из того региона, где у всех стобалльный ЕГЭ за красивые глаза, и он не инвалид. И что вы будете объяснять ребенку? «Видишь ли, сынок – или дочка, – мир несправедлив»? Ну, наверное.

Или нужна вам бумажка – справка какая-нибудь или выписка. И ходите вы по всем кругам ада, и всюду очереди – без всякой коррупции! Но так мучительно долго... Да, можно поднять шум и об этом будут писать газеты. Да, при желании мы возьмем и посадим любого. А дальше что?

Вот только не надо мне рассказывать, что «все чиновники, нянечки, доктора и гаишники должны быть честными». Они честные. Они с вас денег не берут. А будете возмущаться, они вам скажут: «А вы на мою зарплату пойдете работать?» И выясняется, что зарплата у них маленькая. Да, конечно, можно спросить, зачем же они пошли работать на такую зарплату. И это вполне справедливый вопрос – только ответа на него нет. И помощи нет. И справки нет. И нянечка в больнице пол не моет. И вы на ее место не пойдете работать.

В этот момент мы начинаем горько сожалеть о том, что коррупции нет, и хором восклицаем: «Нет, на таком уровне это не коррупция, а всего лишь честное перераспределение денег. Мы просто видим, что государство платит этим людям несправедливо, и сами доплачиваем так, чтобы это было адекватно их труду».

Наверное, это так. А справедливо – это сколько? Начинаем выяснять, и вдруг обнаруживаем, что мы до сих пор живем в рамках социалистического кадастра, в котором есть тарифная квалификационная сетка. Разбираемся дальше – и с ужасом осознаем, что жить по этой сетке невозможно. Оказывается, в стране попросту не хватает денег, чтобы всем платить справедливо. Тарифная сетка работает таким образом, что, пытаясь прибавить зарплату нянечке в районной больнице, мы автоматически поднимаем зарплату даже министру здравоохранения – при этом разрыв ничуть не уменьшается, а нянечки отнюдь не начинают жить хорошо. Можно, конечно, напечатать еще денег, но они же при этом обесценятся. Зато все будет справедливо.

Тогда мы начинаем кричать: «Какая же это справедливость, когда хороший врач и хорошая нянечка получают столько же, сколько плохие?» Как ни странно, так называемые кор-

рупционные деньги в сфере медицины и педагогики идут, как правило, действительно лучшим врачам и учителям, лучшим учебным и медицинским заведениям. Никто же не хочет за деньги попадать в плохие больницы и отдавать детей в плохие школы. Есть подозрение, что без этих денег, подмазывающих механизм налево и направо и невольно выделяющих лучших, страна остановится в параличе. Конечно, в данном случае я не имею в виду гаишников. А с другой стороны, представляете, какой ужас: вы действительно совершили небольшое правонарушение, вас остановили, на месте денег брать не хотят. И получается, что вас наказывают уже не только тем, что вы будете вынуждены платить штраф, но и тем, что на поездку в банк и стояние в очереди уйдет масса времени. Да и выписывание протокола – не самое быстрое дело. Неприятно.

Но все это, как мы видим, низовой уровень, самый простой. С ним мы сталкиваемся каждый день, и на нем, конечно, много не заработаешь. А вот уровень чуть выше уже вызывает большое и искреннее раздражение. Впрочем, здесь зачастую наивно путают коррупцию с вымогательством. Возьмем, например, несправедливые налоговые проверки или возбуждение уголовного дела, когда с бизнесмена тянут деньги. Это, разумеется, не коррупция – это вымогательство. Общественное мнение склонно считать подобные факты коррупцией, поскольку деньги принимают сотрудники правоохранительных органов, – но это явление другого порядка. Конечно, учитывая реальные зарплаты и принцип распределения денег внутри системы, можно сказать, что, к сожалению, многие правоохранительные органы и силовые структуры могут успешно ставить перед своим названием либо аббревиатуру ООО, означающую «общество с ограниченной ответственностью», либо, что гораздо хуже, ОПГ – «организованная преступная группировка».

* * *

Всем моим слушателям, читателям, всем, кто приходит на мои концерты, я регулярно задаю один и тот же вопрос: «Как вы думаете, если мы все уедем из страны, коррупция останется?» Люди хихикают и говорят: «Нет, ну конечно, если все уедут, то и коррупции не будет». Я говорю: «Здорово. А откуда появилась коррупция?»

И меня тут же начинают убеждать, что это государство виновато. У нас вообще принято считать, что человек ни в чем не виноват – во всем виновато государство. «Хорошо, – отвечаю я, – а если мы все уедем, государство останется?» И вдруг выясняется, что ведь и никакого государства не будет, если все вдруг возьмут и уедут. Мало того, когда наши люди переезжают в другие страны, они, как правило, становятся законопослушными гражданами. Даже если поначалу они пытаются предпринять некоторые усилия по разложению системы, в которую встраиваются после переезда, то в скором времени понимают всю тщетность этих попыток, сталкиваются с невозможностью подкупить всех деятелей правопорядка и либо заканчивают свои дни в тюрьме, либо, если можно так выразиться, приходят в чувство и дальше живут как спокойные законопослушные граждане.

Для того чтобы ответить на вопрос, что за беда нас разъедает, необходимо четко понять, что ей не пять лет, не десять, не пятнадцать. Не понимая истории вопроса, мы не избавимся от коррупции. Именно поэтому разоблачительные статьи в газетах, указы и даже расстрелы на площадях ничего не изменят. Назначат на освободившееся место следующего чиновника – и следующий будет такой же. И не случайно наши аналитики так любят кивать на исторический опыт, печально возводить глаза к потолку и вздыхать, что в России воровали всегда.

Позволю себе процитировать документ за номером ПР342 П9А, изданный под грифом «Совершенно секретно» 1 сентября 1922 года и подписанный заместителем председателя Совета труда и обороны Рыковым и заместителем секретаря Совета труда и обороны Глясером.

«Все меры по борьбе со взяточничеством, близкими и смежными с ним преступными деяниями могут быть представлены следующим: первое – меры репрессивно-судебного характера, усиление ответственности за взяточничество и родственные с ним деяния, срочные судебные расследования и слушания дел о взяточничестве, усиление аппарата следственных и розыскных органов по борьбе со взяточничеством.

Второе – меры законодательного характера, расширение круга уголовно наказуемых дел в области форм взяточничества, законодательное регламентирование порядка, условий и форм пользования госорганами частным посредничеством и установлением публичного надзора за последним.

Третье – законодательное регламентирование устава, положения о госслужбе, совместничества, посредничества, участия в частных предприятиях.

Четвертое – уничтожение системы выдачи мандатов и законодательное регулирование выдачи удостоверений.

Меры контрольно-ревизионного характера: первое – организация на всех стадиях контроля договоров и подрядов и восстановление коммерческой честности подрядчиков и контрагентов.

Второе – выяснение вопроса о возможности точного учета подрядчиков и посредников, как по ведомствам, так и между ведомствами.

Третье – совместные летучки и ревизии розыскных органов.

Меры организационного характера – обязать все главнейшие хозяйственные организации составить список специальных лиц, ответственных за борьбу со взяточничеством, и обязать в самые короткие сроки рассматривать все жалобы, связанные со взяточничеством.

И пятое, общие меры, – пересмотр и чистка всех хозяйственных органов центральных и местных с точки зрения борьбы с бесхозяйственным хищением и взяточничеством».

Вдумайтесь – прошло девяносто лет! И в самом деле можно с печалью констатировать, что ничегошеньки с тех пор не изменилось, а взяточничество и казнокрадство продолжают цвести пышным цветом.

Но позвольте задать вопрос: а почему в России воровали всегда? И откуда в данном контексте появился сам термин «воровать»? Ведь воровать можно лишь тогда, когда это не твое. Свое своровать нельзя. Каждый раз, когда мы говорим «воруют», мы подразумеваем, что берут чужое. Но чье?

Понятно, что вряд ли мы назовем коррупционером чиновника, который под покровом ночи тащит из соседской квартиры деньги и ценные вещи. В этом случае он обыкновенный вор и нам неинтересен, мы его не рассматриваем. Но у кого же ворует чиновник, если мы говорим о нем, как о коррупционере? У народа? Однако в те времена, когда писали Карамзин или Салтыков-Щедрин, вряд ли о народном добре хоть кто-то заботился, и все равно коррупционеры в общественном сознании равнялись ворами. А обворованным де-факто являлся царь. Все принадлежало государю императору – не зря Николай II скромно указал в переписи населения: «Хозяин земли русской». Воровали именно у царя.

Нечистый на руку чиновник брал не свое – царское. Мало того, как человек, учитывающий российские реалии, он должен быть постоянно готов к тому, что сегодня он в шелках, а завтра может лишиться всего. Ведь все, чем он владел, было ему даровано, и даровано на самом деле на время, – а насколько долгим окажется этот срок, одному богу известно. Исторический опыт показывал, что любого впавшего в немилость деятеля могут и дворянского достоинства лишить, и разжаловать, и буквально обратить в прах. Будь ты хоть сам Меншиков – все равно твое Березово тебя ждет и рано или поздно, скорее всего, дождет. И закончишь ты свои дни не бодрым отставным придворным в собственном дворце где-нибудь в Ницце или в Канне, а несчастным, нищим, больным стариком в убогой избе с земляным

полом, затерянной в бескрайних снегах, и каждый день будешь с ужасом глядеть в глаза своим детям, которым ничего не смог передать. Причем зависит подобный исход событий не от того, честно ты служил короне или нет, а от того, попала нынче государю императору шлея под хвост или не попала.

Таким образом, даже понятие чести и репутации становилось крайне условным. Не случайна лермонтовская формулировка: «Известной подлостью прославленных отцов». Действительно, когда мы говорим о древних и знатных родах, то и древность, и знатность зачастую сильно преувеличены. Фраза из романов Александра Дюма: «Он был из благородной, но обедневшей семьи» – в условиях России звучала достаточно странно. Обедневшей – понимаем. Благородной – не очень. Само понятие благородных семей было весьма размытым. По большому счету, наше дворянство использовало эту формулировку как неудачный перевод с английского да французского. Кто они, благородные? Орловы? Но вряд ли можно назвать благородной семью человека, который осквернил себя царубийством и впоследствии был жестоко унижен Павлом, заставившим графа на перезахоронении останков Петра III нести корону.

Строго говоря, немногие наши дворяне могли упоминать о себе и своих предках с гордостью и придыханием – по крайней мере, аналогично европейским коллегам. Сложно человеку говорить о себе с достоинством, когда это достоинство ежечасно унижается императором, которому ты принадлежишь с потрохами. Просто когда-то давным-давно в той же Англии или, скажем, Испании произошло то, чего никогда не случалось в России. В Англии короля заставили подписать Хартию вольностей, жестко ограничивающую власть монарха и определяющую права дворян. В Испании гранды во время коронации произносили ритуальную фразу: «Мы, которые ничем не хуже тебя, делаем королем тебя, который ничем не лучше нас».

В России же продолжала действовать система по своей природе рабская, унижающая сверху донизу, всех ставящая в зависимость, система, в которой и твое имущество, и твоя жизнь принадлежат императору. И получается, что и своровать-то у него, по большому счету, не самый страшный грех, – все равно ведь рано или поздно по голове достанется. Да и ворует ты не табакерку из кармана, не канделябр со стола – так, малую толику собранного себе оставляешь.

Жалованье, которое ты получаешь на государевой службе, берется из казны, которую ты же и пополняешь. Так что по большому счету ты не то чтобы своровал – просто небольшой процент комиссионных удержал. По сути выходит, что государственная должность дается тебе на кормление – а дальше крутись как хочешь. Феодалный принцип кормления, при котором подведомственному населению вменялось в обязанность держать княжеского наместника на полном довольствии, снабжая его натуральными продуктами, а позже – деньгами, отнюдь не является исключительно отечественным изобретением, однако в России он прижился на удивление прочно, крайне живуч и с успехом подменяет собой и институт частной собственности, и институт наследования, и заботу о репутации семьи. Как только ты добираешься до какого-то стола, включается генетическая программа, диктующая тебе, что можно и чего нельзя делать дальше. Вот тебе как столоначальнику положено то-то и то-то. Народ, конечно, постонет, да и успокоится, понимая определенную справедливость происходящего.

В советское время в среднеазиатских республиках ходила такая шутка: мол, можно в любом кишлаке на площади поставить стол, на него водрузить телефонный аппарат красного цвета – и люди тут же выстроятся в очередь к этому столу, чтобы дать сидящему за ним человеку деньги. Зачем? А просто так, на всякий случай. Так положено. Традиция. Рассказывали, что когда в Узбекистан приехала бригада из России расследовать «хлопковое дело», гордые сыны Востока вообще не могли взять в толк, чего от них хотят. Они не понимали,

что им инкриминируют. Следователь спрашивает подозреваемого: «Ну ты же взятку давал?» Тот отвечает: «Нет!» – «Как так, а деньги же носил?» – «Конечно!» – «А зачем?» – «А как же иначе, он же уважаемый человек! Разве можно не носить?» То есть заложенное в среднеазиатской культуре понимание, что можно, а чего нельзя, принципиально отличалось от того, что говорил на этот счет Уголовно-процессуальный кодекс СССР.

Иногда мне кажется, что сегодня в России такой стол с имитацией кремлевской «вертушки» можно ставить в любом селе, а то и просто в чистом поле – и тут же откуда ни возьмись к нему потянутся чередой люди с конвертиками. Ну а как иначе? Время такое, как же можно не давать? Появилось даже такое специфическое выражение: «Надо крутиться». И все крутятся, все договариваются, все всё понимают.

* * *

Если мы сейчас начнем подробно говорить об ужасах коррупции, думаю, каждый из нас мог бы написать об этой печальной стороне современной российской жизни трактат, равный по объему собранию сочинений Льва Николаевича Толстого. Однако смею предположить, что мало кто всерьез задумывался о том, почему это происходит. Есть очень верная поговорка, что в России все миллионеры назначены государством, – действительно, если человека направляют работать с природными ископаемыми, он сразу становится очень богатым. Но даже если его назначают миллиардером, он все равно де-факто – чиновник, идущий на встречи с президентом или премьер-министром, выполняющий его пожелания так, будто это приказы, заглядывающий ему в рот и четко знающий, что его судьба и судьба его состояния в первую очередь зависят от отношения власти к нему. Получается, что с царских времен ситуация по существу не изменилась. Но почему каждый житель нашей страны в какой-то момент вдруг понимает, что выгоднее служить государству?

Представьте себе обычного российского гражданина, который вдруг решил жить честно. Он прилежно учился, допустим, в медицинском институте и искренне рассчитывал жить на зарплату. И попадает он, скажем, в районную больницу врачом. Если ему сильно повезет, будет он получать ни много ни мало – тысяч двенадцать. Рублей. На них он отрабатывает первый месяц, второй. А потом получит счета. Если ему повезло и он живет в квартире, оставшейся от родителей, или вместе с родителями, то ему все равно придется заплатить за газ, свет и воду. Если же он, не дай бог, квартиру арендует, то уже можно забыть о возможности добираться на работу общественным или личным транспортом – останется только ходить пешком, – ну а про питание лучше не говорить вовсе: денег на еду, скорее всего, чисто физически не хватит.

В свое время ко мне на передачу пришел Александр Починок, занимавший тогда пост министра. Я спросил его: «А вы потребительскую корзину видели, которую вы рекомендуете? Она впечатляет». Для тех, кто не в курсе, поясню, что потребительская корзина позволяет, например, каждому россиянину с удовольствием разок в год отправиться в кино, а также занять аж две пары туфель – одну на зиму, другую на лето. Женщинам повезло больше – им, кажется, доступна такая непозволительная роскошь, как два бюстгальтера на год, а вот мужчинам, естественно, ни одного. Мужчины, правда, по этому поводу особо не переживают, но взгляд на список, предусматривающий смену пальто раз в семь лет, тоже, по-моему, не доставляет им большой радости.

Но отдельная тема – это, конечно, пищевая корзина. Когда выяснилось, что наш гражданин должен съедать максимум по половинке яйца в день, я приготовил соответствующий завтрак и предложил его господину Починку. Он сказал: «А я мало ем, мне больше и не надо». И тогда я понял, по какому принципу составляются пищевые корзины в России. Правда, это заявил тот самый человек, который во время поездки на один из зарубежных

форумов звал всех: «Скорее, скорее, бегите сюда, я нашел магазин, где потрясающее вино совсем недорого – тысячи по полторы долларов бутылка». Что ж, так всегда и бывает в России – у кого-то, простите за грубость, стул жидкий, а у кого-то жемчуг мелкий.

Если посмотреть на проблему системно, напрашивается вывод, который на первый взгляд кажется парадоксальным. В России действительно нет коррупции. Дело в том, что, когда весь народ принимает участие в каком-то процессе, он уже не является для народа чем-то внешним и чужеродным – он становится естественным. Так что в нашем случае мы рассматриваем всего лишь назначение на кормление. Человека «ставят» на должность, тем самым давая ему право с нее кормиться. И каждый российский гражданин, попадающий во власть, внезапно оказывается в интересном положении. Он видит, что все вокруг него живут хорошо, а зарплаты маленькие. Причем и живут-то реально неплохо, и зарплаты реально остаются маленькими практически по любым меркам. Как это возможно? Ведь если посмотреть на одежду членов правительства, на их стрижки, на их машины и гаджеты, на их часы, становится понятно, что на свою зарплату они никогда в жизни такого купить не смогут. Но задать им бестактный вопрос – мол, ребята, что происходит? – совершенно невозможно. Они даже не поймут, о чем речь, в чем проблема.

Дело в том, что каждый из них, как говорится, носит несколько шляп. Каждый одновременно с исполнением своих обязанностей в правительстве является руководителем какой-нибудь государственной структуры, которая вполне официально работает на том же самом рынке, который они же и регулируют. Вот, скажем, министр транспорта Игорь Евгеньевич Левитин. Его ничего не удивляет. Он не говорит, что, наверное, тяжело конкурировать, если он сам одновременно – и регулятор рынка, и один из основных игроков. Нет, ему кажется, что это абсолютно нормально. Известны случаи, когда у иностранных партнеров буквально ум за разум заходил, когда Игорь Евгеньевич, будучи в загранпоездке, откровенно лоббировал интересы отдельных авиакомпаний и аэропортов, так что его визави приходилось задавать прямой вопрос: «Простите, а вы сейчас в каком качестве с нами беседуете?» Вопрос, который поражал господина министра. Ему не приходило в голову, что он может выступать в каком-то другом качестве, все равно же он министр.

Глава 2

Принцип взаимопроникновения чиновничества и бизнеса наиболее ярко был реализован в московском правительстве, которое по праву держало пальму первенства среди всех регионов не только в плане коррупционных схем, но и как создатель абсолютно нового подхода к коррупции. За девять дней до появления указа президента Медведева об отставке Юрия Михайловича Лужкова «Новая газета» опубликовала документ, в котором рассказывалось, как в 2004 году московское правительство по письму телеканала НТВ приняло решение о продаже автору данной книги квартиры по оценочной стоимости БТИ. Могу сказать, что это все равно было крайне недешево на тот год, но в любом случае сильно отличалось от цен, установившихся на монополизированном рынке столичного жилья. Если угодно, правительство Москвы отказывалось от своей доли – но о бесплатности речи не шло в любом случае. Квартира, которую мне предлагалось купить, представляла собой бетонный мешок, в ремонт которого надо было вложить еще раза в три больше, чем вложили строители при возведении этого объекта.

Статья была очень грязная, однозначная, меня она умилила. В ней не говорилось о том, как то же самое московское правительство дарило в немалых количествах не только квартиры, но и особняки, а то и целые кварталы людям, которые после отставки Лужкова кричали о нем, как о светоче демократии. Многие выдающиеся журналисты, руководители СМИ, деятели искусства получали бесплатные квартиры, мастерские, театры, студии, и за это готовы были биться за Юрия Михайловича до потери сознания. Но мне статья не понравилась, я решил выяснить, что происходит, и попытался связаться с Лужковым. Прямого телефона у меня не было, и я просто позвонил в приемную.

Каково же было мое удивление, когда Лужков сказал, что хочет со мной встретиться! Уже через несколько часов я был в московской мэрии. Увиденное меня поразило. Обычно в приемной Лужкова стояло несмолкающее жужжание, на аудиенцию к этому великому человеку стремились толпы. Я говорю «великому» – потому что уровень его возможностей, а главное, представления о себе был таков, что это Юрия Михайловича высилось над Москвой, пожалуй, затмевая даже статую Петра работы Церетели. Но в этот раз в приемной не было ни одного посетителя. Все, кто еще вчера ел у Лужкова из рук, почуяв беду, разбежались.

Я зашел в кабинет. Газета лежала у Юрия Михайловича на столе. Он начал с заверений, что не имеет к этому материалу никакого отношения, что дело не в нем. А потом мы долго говорили о том, что творится в городе. И вдруг мне стало ясно, что Лужков вообще не понимает – на самом деле не понимает! – что происходит и как работает созданная при его непосредственном участии система. Он напрочь потерял ощущение реальности. Он не знал, каких бесконечных взяток требовало получение любого разрешения на строительство. Сколько лет это занимало. Как любой конкурс, неважно, кем и для чего организованный, заканчивался требуемым результатом. Он не задавался вопросом, откуда у его заместителей – у Ресина, например, – часы за миллион, да не одни. Его не удивлял уровень жизни этих людей. В какой-то момент он реально поверил всему тому славословию, которое раздавалось в его адрес со стороны тех, чье благосостояние ежеминутно, ежесекундно зависело от настроения Лужкова. Лужков любит – и ты миллиардер. Лужкова отправляют в отставку – и все, жизнь кончается.

* * *

Когда-то Лужков сформулировал, что работать надо по-капиталистически, а распределять по-социалистически. Не знаю, получилось у него это или нет, но де-факто за годы работы в Москве он создал не только геронтофильскую власть, во многом повторяющую Политбюро, это еще полбеда. Он создал систему, которая сожрала его самого. Каждый льстец и славослов имел свой надел, с которого вкусно питался. Каждый префект ощущал себя главой отдельного государства, а внутри этого государства процветала потрясающая система. Нет буквально ни одного направления деятельности в Москве, которое было бы устроено просто, четко и ясно. Всюду были «прокладки» в том или ином виде. Я даже не говорю о золотом бизнесе российского строительства, где одним из основных игроков оказался тот же московский мэр со своими приближенными. Или о Владимире Иосифовиче Ресине, который, в точности как уже упомянутый министр Левитин, окончательно запутался, кто он – регулятор рынка или его хозяин.

Доходы этих людей измерялись такими цифрами, что они, по-моему, просто перестали понимать, что такое деньги. Для них они превратились в какие-то бумажки. Дорогие машины, особняки по всему миру, бизнесы, покупаемые как в России, так и в других странах, при абсолютно неэффективном управлении – для них это все было неважно и по сути незначимо. Совершенно другой образ жизни. Системой они были поставлены на должность и релизовывали свое право на кормление.

Арестованный летом 2010 года и осужденный за растрату префект Южного округа Юрий Буланов – он же просто не понимает, в чем он провинился. Что он делал неправильно? Ну да, землю покупали аффилированные с ним структуры. Ну да, дома строили. Но он же все делал официально. В чем он виноват?

Его можно понять – в течение многих лет он работал под руководством Петра Бирюкова, который до последнего времени является заместителем мэра и которого даже новая городская власть не спешит отправить в отставку. И квартира господина Бирюкова находится в доме, который принадлежит Буланову. И что такого страшного, что сын бывшего префекта возглавлял ту самую компанию, которая должна была заниматься ЖКХ в округе и которой перечислялись финансовые средства за капитальный ремонт домов? Он, вообще-то, хороший специалист, почему нет? Ну, неэффективно его фирма работает – а кто нынче эффективный? Какая вообще разница, все ведь здесь, никуда не убежали, хоть и имеется недвижимость и в Ницце, и в Монако. И что такого, что жена Буланова получала бюджетные деньги за проведение разнообразных культурных мероприятий, необходимых городу и префектуре? Что в этом такого странного? Она же талантливый организатор. Вот, пожалуйста, жена Лужкова – талантливый предприниматель. Правда?

Правда. Я несколько раз встречался с Еленой Николаевной – действительно очень умная женщина. И действительно, бизнес «Интеко» – не просто крупнейший в Москве, были и в других регионах филиалы и дочерние фирмы. С другой стороны, надо быть ребенком, чтобы не понять – если в нашей стране у тебя есть бизнес и за тобой стоит мэр Москвы, для тебя не составит никакой проблемы открыть филиал в другом городе: с тобой всегда договорятся. Все-таки мэр Москвы – это большая политическая должность. Но это же не повод сказать, что «Интеко» плохо работает! Впрочем, как только Лужков ушел с поста мэра Москвы, талантливому предпринимателю Батуриной оставалось только талантливо смотреть, как ее бизнес переходит в чужие руки. Вопрос, на который у меня нет ответа: неужели Юрий Михайлович был так наивен, считая, что его жене дадут развернуться и дальше, когда он уйдет с должности? Второй вопрос без ответа – почему никто не учит историю? Ведь у нас так никогда не бывает. У нас система кормления.

* * *

Когда случился критический момент и выяснилось, что «Интеко» набрала земли, за которую не может рассчитаться, злые языки начали кричать, что Лужков пошел на поводу у жены и спас ее бизнес, выкупив участки за безумные деньги. Но зачем же так линейно рассуждать – скажут сторонники Лужкова. «Интеко» же большая компания, там же огромное количество людей стоит на очереди, эти несчастные ждут, когда будут достроены их квартиры, за которые они уже заплатили деньги. Защищались их интересы! Это же интересы народа!

Вообще у нас всегда и во всем защищаются интересы народа. И когда сносили дома в поселке «Речник» и буквально выкидывали на мороз проживающих там людей, и когда сносили дома в Южном Бутове, чтобы там построить очередные «панельки», а столичный мэр обзывал семью Прокофьевых жлобами за то, что они отказывались переезжать, и когда приезжал руководитель Московской думы господин Платонов и говорил: «А что, разве интересы москвичей ничего не значат? Нельзя уступить?» – тоже, несомненно, защищались интересы народа. Все эти разговоры абсолютно ясно демонстрировали отголоски советского мышления, которым были заражены Лужков и его команда. Они, мнившие себя воплощением государства, искренне считали, что они и есть государство и народ, а никакого права частной собственности нет и быть не может. Есть только их право решать, что и кому принадлежит.

В самом центре японского аэропорта Нарита стоит домик, маленькая хижина с крохотным участком земли, окруженная рулежными дорожками. Хозяин, пожилой человек, отказался ее продавать. Просто отказался. Ему предлагали любые деньги. В два раза больше, чем любые. Но он каждый раз упрямо отказывался, потому что ни в какую не желал расставаться со своим домом. Здесь жили его предки, здесь выросли его дети, и здесь он хотел провести остаток жизни. И как вы думаете, чем дело кончилось? Вы не поверите. Не пришли пацаны, не случился пожар. Не приехал Платонов со словами: «Нехорошо как-то». Не прибежал Лужков с криками, что старик жлоб. Никто ему не предложил переехать на улицу Ахмада Кадырова в замечательную однокомнатную квартиру. Построили аэродром, а в центре этот домик – облетайте!

Как ни смешно, но это частная собственность. Никто не давил на совесть, говоря: «Это что же, вы личные интересы ставите выше общественных?» Вопрос, кстати, абсолютно дегенеративный. Что значит – личные интересы выше общественных? Это просто моя собственность, и точка. Никто не может ее забрать, даже если кому-то это очень нужно. Хотите взять – купите.

У нас же вопрос частной собственности даже не стоит – кто ее уважает? Ситуация переводится в плоскость благодеяния. Подумаешь, тебе твой домик дорог, – да наплевать на твой домик, если это нужно народу. Ну уступи ты свою развалюху – тебе же дадут взамен хорошую квартиру! И не надо объяснять, что в эту квартиру ты никогда не въедешь, потому что ремонт сделать невозможно. Это никому не интересно. И не надо объяснять, что именно из Москвы пошла мода на строительство домов, к которым не подведены электричество и газ – надо платить бешеные деньги за подключение, при этом дом все равно сдается в эксплуатацию. И потом молодым семьям с колясками и детьми приходится на девятый этаж ходить пешком. Ничего страшного тут нет!

И, кстати, нет никакой коррупции – скажут вам. Просто надо же было заселять москвичей! И никто ни в чем не виноват. Ну в самом деле, разве кто-то виноват, что эти люди все делают лучше всех? Вот Владимир Иосифович Ресин – он же выдающийся профессионал. Подумаешь, надо много лет согласовывать решения о строительстве. А вы хотите, чтобы все было быстро? А зачем?

Они всегда окружали себя процедурами и формально не нарушали даже большинства законов. У нас же не запрещено супругам работать в одной и той же организации. И бывший префект ЮАО отнюдь не исключение – когда мы берем список и выясняем, где чьи родственники работают, выясняется, что очень многие жены и дети прекрасно себя чувствуют в структурах, имеющих прямое отношение к рынку, на котором руководят их мужья и отцы. Ну и что? Из-за такого пустяка лишать людей должности или профессии? Вот взять теперь уже бывшего начальника Московского метрополитена Дмитрия Гаева – к слову, обладателя патента на изобретение пропускного механизма в метро. Технический гений. Разве плохо, что его сын руководил компанией, выпускающей магнитные карты для оплаты проезда, а у дочери был эксклюзивный договор на продажу сувенирной продукции с символикой метрополитена? И сколько времени потребовалось, чтобы понять, что в данной ситуации есть что-то, мягко говоря, не вполне нормальное, снять Гаева с должности и начать расследование.

* * *

Во время той памятной беседы с Лужковым я спросил: «Юрий Михайлович, неужели вы не понимаете, что вокруг вас все воруют? Даже Елена Николаевна мне говорила с ужасом, что она сама вынуждена, чтобы получить разрешение, ходить и давать взятки». Системе было неважно, какие слова писались на документах, дьявол, как всегда, таился в мелочах. Все хорошо знали, что в той же Москве заход к мэру еще ничего не решает, важно, каким цветом выписана резолюция. Мало того, после этого ты еще проходишь все круги ада и тебе необходимо тихо и аккуратно благодарить на всех уровнях, иначе беда. Никто не будет против, но дело не сдвинется с места. Да, конечно, ты можешь обойтись без коррупции, никого не подкупая, и наверное, в принципе даже что-то получишь... Может быть.

Лужков создал систему, которую с удовольствием приняли и адаптировали во всех регионах. Ее ключевым элементом было именно наглое, вызывающее, открытое участие города в коммерческой деятельности. Система проста: только город является как регулятором, так и участником процесса. Отдайте долю городу. А если ты отдаешь долю квартир городу, дальше он решает, что и кому он даст. Город начинает и выигрывает, потому что именно он тем самым регулирует рынок недвижимости и игроков на этом рынке. Город становится главным коммерческим игроком, определяющим, кому и по какой ставке достанется земля в аренду, при этом равноценные участки могут стоить совершенно разных денег. Или доля города в разных проектах может оказаться различной. Но исходя из этого как можно говорить о честной конкурентной борьбе, если издержки разных игроков изначально неравны?

В московском строительстве сложилась уникальная ситуация. Понять, кто и что строит на территории Москвы, невозможно до сих пор. Количество реальных профессионалов год от года сокращалось. В отрасль приходило все больше людей, имеющих крайне слабое отношение к строительству. Если верить заявлениям известного бизнесмена Шалвы Чигиринского, он стал успешным риелтором и строителем в Москве только потому, что по негласной договоренности половину своего бизнеса отдал столичному руководству. В то же время, когда в передаче «К барьеру!» я спросил бывшего руководителя девелоперской компании *Mirax Group* Сергея Полонского, платил ли он деньги московскому правительству за получение разрешений, Полонский замер, долго сверлил меня взглядом, но так ничего и не ответил – после этого инцидента, правда, в своих статьях и книгах призывал передачи типа «К барьеру!» закрыть навсегда. Именно поэтому появление обманутых дольщиков вызывает умиление – это кто же вторгся на рынок? Неизвестные люди, которые вдруг взяли и обманули? И по-другому выглядит справедливый гнев: ребята, так сколько же вам дали, чтобы на рынок пришли мошенники?

В какой-то момент времени вдруг стало ясно, что даже не нужно продавать квартиры. Если угодно, продавался по абсолютно непонятной цене бетонный мешок. При этом любые попытки определить, каковы же реальные затраты на производство этого великолепия, всегда давали сбой. Можно было предположить, что многоэтажки возводят английские лорды, растирающие золотыми мастерками раствор, замешанный на алмазной пыли, но, придя на любую стройку, ты видишь лица рабочих из Средней Азии и с легкостью можешь оценить крайне низкий уровень строительной культуры. Ясно, что где-то здесь таится обман. При этом само понятие «дешевых квартир» на столичном рынке недвижимости исчезло полностью.

Стало очевидно, что необходимо платить городу сумасшедшие деньги за то, к чему город не имеет никакого отношения. Оказалось, что городские власти де-факто считают владельцами земли непосредственно себя. Не москвичей – а себя. Формальное объяснение звучало очень благостно: часть квартир отходит городу, идет на социальные нужды и раздается. Я так и не понял, правда, кому она раздается. Если посмотреть на объемы строительства, то, казалось бы, уже половина Москвы должна жить в новых квартирах, выданных московским правительством в рамках программы социального обеспечения. Но ничего подобного не происходило и не происходит, да и ни о какой массовой выдаче речь не идет. Речь, скорее, о каком-то непонятном торге с федеральными властями, с деятелями культуры и средств массовой информации, которые в обмен на хорошее отношение получали привилегированные бесплатные столичные квартиры. Существовало даже три типа ставки оплаты, вероятно, показывающих степень близости к московской власти. Но, повторюсь, о каком-либо объективном рынке не имело смысла даже говорить – его не было.

Кроме того, квартирами впрямую торговали и структуры, имеющие непосредственное отношение к правительству Москвы. И никого это не удивляло. Целые департаменты через систему ГУПов занимались всем подряд и чувствовали себя предпринимателями, хотя не обладали ни профессиональными, ни личностными характеристиками, чтобы делать это успешно. Подобный подход убивал конкуренцию навсегда. Только вдумайтесь – в городе Москве существовал ГУП, занимавшийся парковками. А что такое московская парковка? Это ничто, кусок асфальта, расчерченный краской. По нему ходил человек в псевдвоенной форме и собирал с автовладельцев деньги за то, что их машины стоят на этом куске асфальта. Так вот, данный ГУП был убыточным. Понять, *как* он мог быть убыточным, невозможно – что абсолютно не мешало ему быть таковым. Пример из разряда дурных анекдотов, однако дело обстояло именно так.

В московском правительстве оказались департаменты, которые по всей логике должны были иметь отношение скорее к федеральным структурам. Трудно найти разумный ответ на вопрос, почему, например, мэрия столицы занималась дорожным строительством. И притом как она им занималась! Выяснилось, что цены на километр совершенно сумасшедшие и опять же, как и в случае со строительством домов, не имели никакого отношения к реальным затратам. Так на основании чего выводилась эта стоимость? Очень хотелось денег?

Как мы с вами хорошо знаем, дорожное строительство в России – вообще золотое дно. Мы знаем, что, в соответствии с заключением Счетной палаты, министру транспорта Игорю Левитину за все время нахождения на посту удалось построить меньше 200 километров федеральных дорог по средней цене 41 миллион долларов за километр. Смешно говорить – Москва эти цифры перебила с легкостью, в разы, и получала от этого нечеловеческое наслаждение. Был целый департамент, который каким-то образом это мог даже оправдывать и наслаждаться этим, а это уже просто анекдот.

Когда Владимира Ресина спросили, чем обусловлена такая космическая стоимость километра московских дорог, он дал потрясающий ответ: оказывается, мэрии приходится выкупать земельные участки! Не случайно на столичных градоначальников подала в суд

компания АСТ, принадлежащая скандально известному предпринимателю Тельману Исмаилову, с требованием заплатить им деньги, поскольку на тех самых участках, через которые должна пройти дорога, компания построила складские помещения, и теперь их необходимо сносить. Это, по сути, традиционная комбинация, известная со времен строительства железных дорог в Америке: правительство Москвы выдавало своим аффилированным структурам в долгосрочную аренду земельные участки на тех самых землях, которые потом отходили под строительство трасс.

Город оказывался вовлеченным в самые невероятные проекты. Так, Шалва Чигиринский становится совладельцем Московского нефтеперерабатывающего завода, а столичное правительство, в свою очередь, получает долю в британской компании *Sibir Energy*. Казалось бы, какое отношение она имеет к жизни Москвы? Город вдруг влезает в покупку аэропорта Внуково и авиаотряда, которым он не только не умеет управлять – ему это противопоказано. Не вызывает никакого сомнения, что, когда вдруг совершенно неожиданно, без объявления войны, была перекрыта дорога на Шереметьево, управляющие аэропортом восприняли это как прямые происки конкурентов с целью перетащить клиентуру во Внуково. Причем довольно сложно с ними не согласиться – так как именно город принимает решение о ремонте шоссе и именно город страдает от того, что аэропорт Внуково плохо управляется. А как он может хорошо управляться, если город этого делать не умеет?

Лужков не только создал уникальную систему вовлечения всех своих присных в коммерчески выгодные процессы. Прелесть в том, что вовлеченность в коммерческие схемы была абсолютно открытой, наглой. Я бы сказал, что в этой наглости было своеобразное очарование. Считалось абсолютно нормальным приехать на прием к мэру Москвы и просить его обо всем, о чем угодно. Степень личной вовлеченности Юрия Михайловича в печальной памяти Черкизовский рынок была такова, что он не стеснялся прийти на день рождения к хозяину рынка и радостно возглашать: «Тельман, ты наш друг и брат, сегодня самый важный день для нас!» – что, конечно, само по себе было бы не страшно, если бы при этом хотя бы поступления от этого рынка в бюджет можно было назвать бесспорно значительными.

Система фирм-прокладок действовала абсолютно открыто и ни у кого не вызывала раздражения. Закону не противоречит? Значит, уже хорошо. И налоги платят. Так, в одной из первых игорных систем, существовавших в городе, была велика доля личного участия московского руководства. Стоит ли удивляться тому, что подсевшие на игорную иглу разнообразные муниципальные служащие низового уровня и аффилированные с ними структуры до сих пор ничего не делают с переименованными в лотерейные клубы недавними «Вулканами» и прочей нечистью. Кушать-то ведь хочется каждый день! Они же поставлены на эти места для кормления – так почему с них требуют чего-то еще? Им дали надел для кормления, это кормление они осуществляют.

В классической экономике выделяются три основных фактора производства: труд, земля и капитал. Поскольку вся земля, по крайней мере в границах города Москвы, подчинялась прихоти Лужкова, то он и определял, кто будет успешен, а кто нет. Кому можно процветать, кому нельзя. Доходило до смешного: официальные расценки на ларьки, стоящие на автобусных остановках, совершенно копеечные. Однако в один прекрасный момент все они оптом были арендованы – притом арендованы структурами, аффилированными с одним из высокопоставленных московских руководителей. И уже эти структуры потом пересдавали несчастным ларечникам их торговые точки по баснословным ценам. И все законно! Никто ни в чем не виноват.

Глава 3

Описанный в предыдущей главе подход применяется ко всем направлениям хозяйственной деятельности, которые могут представлять хоть какой-то интерес. При этом все российские чиновники искренне убеждены, что свои «несколько шляп» они носят по праву. Чтобы проследить истоки данного явления, обратимся к сравнительно недавнему прошлому.

Если взять платежную ведомость любой государственной организации и посмотреть на зарплаты сотрудников, возникает ощущение, что находишься в Зазеркалье. В советское время это Зазеркалье объяснялось легко: в тарифной сетке существовал верхний предел зарплаты, установленной для условного рабочего, а дальше министры, секретари ЦК, члены Политбюро и прочие получали суммы, в общем-то непринципиально превышающие этот уровень, самое большое в два-три раза. Но при этом все прекрасно понимали, что в условиях дефицита и фактической невозможности купить многие необходимые товары один и тот же рубль для разных категорий граждан мог иметь совершенно разную покупательную способность. На рубль можно было купить два брикета мороженого, бутылку вина или полбатона колбасы, и одновременно тот же самый рубль оказывался страшно дорогим – доллар стоил шестьдесят одну копейку – и можно было в некоторых местах типа пресловутой двухсотой секции ГУМа или в сети спецмагазинов «Березка» покупать дефицитные товары по таким ценам, каких не существовало больше нигде.

Люди, приезжающие из-за границы, получали зарплату так называемыми чеками или бонами разных серий, в зависимости от того, в каких странах они работали. Все чеки давали возможность покупать в валютных магазинах, однако в зависимости от серии чеков мог отличаться как ассортимент доступных товаров, так и цены на один и тот же товар – как говорится, «есть, да не про вашу честь». Можно вспомнить и о том, что полстраны получало помимо денежной зарплаты разного рода продовольственные и промтоварные пайки. Сложилась система, когда при формально небольшом разрыве в заработной плате существовала колоссальная разница в ее фактическом наполнении, что по сути все равно являлось воплощением если не коррупционной схемы, то по крайней мере классической схемы кормления. Как в царские времена, так и при социалистическом строе каждый человек четко понимал, что, находясь на определенной ступени общественной иерархии, он вправе рассчитывать на определенное количество благ. Фактически, продвигаясь по служебной лестнице, ты не просто получал на кормление какую-то территорию – государство сразу честно говорило тебе, какой именно размер довольствия ты с этого будешь иметь.

Как-то раз мой тесть, вернувшись из долгосрочной зарубежной командировки, получил право на приобретение автомобиля «Волга». Официальные, государственные цены на машины и без того устанавливались крайне высокими, а на самом деле даже за такие огромные деньги купить легковушку было практически нереально – приходилось несколько лет стоять в очереди на приобретение. Впрочем, оставалась еще возможность купить автомобиль с рук с сумасшедшей переплатой. Так вот, моему тестю понравилась «Волга» черного цвета, но оказалось, что приобрести ее невозможно. Продавец сказал: «Нет-нет-нет, черные – только для членов ЦК. Вы можете купить вишневую». То есть даже такие на первый взгляд незначительные вопросы были очень четко регламентированы.

Система работала безупречно. Благодаря сложившемуся укладу каждый понимал: ага, если пошел человек в таком прикиде, это либо ответственный работник, стоящий на определенной ступеньке, либо спекулянт, и его можно сразу арестовывать и сажать в тюрьму. Каждый чиновник не только был прекрасно осведомлен о том, что ему полагается за работу на его месте и что достанется через несколько лет, если он вырастет в должности, но и пони-

мал, что если он слетит, то, несмотря на все былые заслуги, окажется в буквальном смысле на улице с голым задом.

После того как страна неожиданно перепрыгнула из социалистической системы в современные рыночные отношения, стало ясно, что весь сонм социальных обязательств выполнить невозможно, но унаследованное от советской власти фарисейство, зародившееся в конце 80-х – начале 90-х годов, легко перешло в новое время. Формально министры и прочие чиновники по-прежнему получали, объективно говоря, копейки, но при этом каждый из них жил совершенно замечательно. Неожиданно вокруг каждого крупного бюрократа забегали шустрые юноши, которые, реализуя разнообразные коммерческие схемы, не забывали и о своих благодетелях. Опять-таки существовало четкое понимание правил игры: если ты замминистра, можешь позволить себе покупать такие-то костюмы, часы, машины и ездить на такие-то курорты, если ты министр, тебе по чину будут удовольствия классом повыше, а уж если, страшно подумать, добрался до самого верха, то тебе сам черт не брат, делай что хочешь.

Попытка переломить ситуацию натолкнулась на повсеместное сопротивление вплоть до самого низового уровня. Дело в том, что в системе государственных учреждений действовала своя, очень привлекательная схема распределения путевок и так называемых продовольственных заказов, и даже цены на продукты в столовых вплоть до последнего времени выгодно отличались от цен в других точках общественного питания, даже если те находятся в ста метрах от места заседания слуг народа. Можно, конечно, презрительно поморщиться и сказать: «Ну разве это деньги?» Да, это деньги. Это все – деньги.

* * *

Время от времени высказываются различные соображения относительно того, как можно улучшить ситуацию. Владимир Вольфович Жириновский, в частности, однажды предложил узаконить взятки и обложить их налогом. Подобные идеи не так дурны, как могут показаться, но совершенно неприемлемы. Даже размер взятки не играет никакой роли. Ведь суть не в том, сколько ты платишь, чтобы дело было сделано. Вопрос в системе – ты понимаешь, что все равно обязан делиться. Принцип, когда-то шутливо сформулированный советником президента Ельцина по экономическим вопросам Лифшицем – «надо делиться», – приобрел совершенно иное звучание. Выяснилось, что делиться надо даже в тех случаях, когда, по большому счету, делать это совершенно незачем.

Предложение побороть коррупцию в том виде, как мы ее себе представляем, убирая чиновников с постов, где необходимо принимать решения и где от них что-то зависит в процедурном плане, само по себе звучит несколько фантастично. Ведь что оно означает? То, что мы должны целой армии людей сказать, что они принципиально не нужны. Тогда какой смысл вообще в существовании обученного профессионала, если он не должен принимать никаких решений? В этом случае сама его функция кажется анекдотичной и можно от него в принципе отказаться.

Мало того. Как объяснить дикому количеству людей, занятых в государственном управлении и на госслужбе, что все они должны хитрым образом куда-то исчезнуть и при этом ничего не получать. На что они логично скажут: «А с какой радости?» Не случайно всякий раз, когда заходит речь о сокращении какого-либо министерства, возникает куча федеральных агентств на том же иерархическом уровне, в которые и перетекают вчерашние сотрудники ликвидированной структуры, обрастая еще и дополнительными помощниками и подчиненными, – и все по-прежнему работают на государство. Александр Починков в свое время вывел полусерьезный закон, согласно которому при каждой реформе, имеющей целью сократить количество управленцев в России, их численность, наоборот, вырастает в полтора

раза. Таким образом, если применить этот закон к общедоступным статистическим данным, получим, что примерно к 2040 году в нашей стране не останется никого, кроме чиновников. Вот тогда никто уже не будет говорить ни о какой коррупции, потому что невозможно коррумпировать самих себя – речь пойдет о сложной и разветвленной системе кормления.

Как мы уже говорили, формальные зарплаты, которые получают чиновники, жестко вписаны в единую тарифную сетку, привязанную к минимальной оплате труда. Предложенная система поощрений и выплат, которые должны каким-то образом выделить лучших, в конечном итоге наталкивается на необходимость четкого и простого определения: а кто эти лучшие? И вообще – нужны ли нам эти лучшие? И когда внутри коллектива приходится определять лучших, этот процесс проходит по одной и той же накатанной схеме: да, мы определим, только пусть этот лучший, которого мы выделим, не забудет потом деньгами поделиться с теми, кто определяет, либо откатить на самый верх.

А кроме того, если речь идет об определении лучшего, – скажите, положи руку на сердце, разве в условиях отсутствия объективных критериев ваша жена, родственница или любовница не покажется вам бесспорно лучшей, чем совершенно чужие, холодные и бесконечно далекие от вас люди, почему-то работающие под вашим началом? «Ну как не порадовать родному человечку!» – учит нас русская классическая литература, и этот призыв нам близок. Не случайно в последние годы главной мечтой множества россиян является не стать бизнесменом, и даже не стать Абрамовичем, а – что гораздо важнее – стать чиновником. Именно в близости к власти видится воплощение всего лучшего, что есть на земле.

И действительно – если взглянуть на автомобильный парк российских чиновников, станет ясно, что пределом мечтаний как раз и может быть не бизнесмен, трясущийся над каждой копейкой и ломающий голову над тем, как бы ему без штрафов и потерь сдать регулярную отчетность, а бюрократ, который формально ни за что не отвечает, ничего не решает и в условиях современной российской экономики по большому счету никогда не несет сколь-нибудь существенных наказаний. При этом может позволить себе роскошь вести такой образ жизни, который многим и не снился. Если же он еще и аккуратно соблюдает правила игры, во всем остальном у него фактически развязаны руки. Какое бы злодеяние, даже самое страшное, он ни совершил, его все равно каким-то образом аккуратно, на золотом парашюте приземляют в заранее определенное дипломатическое кресло. А если и не дипломатическое, то в любом случае мягкое.

* * *

А теперь вспомним, что произошло в России на рубеже веков, когда к власти пришел Путин и объявил о начале олигархической контрреволюции.

Очевидно, что он пришел вместе со своей гвардией. Очевидно, что эта гвардия должна была получить нечто. Очевидно, что это нечто было возможностью занять командные высоты. При этом ясно было, что олигархи – это люди, которым доверять нельзя, поэтому на перераспределение финансовых потоков надо было поставить людей, которым доверять можно. В силу всего вышесказанного в коммерческие структуры в большом количестве направились комиссары, то есть доверенные лица, задачей которых было присматривать за народным добром и соблюдать политические интересы. Какая-то часть из них параллельно занималась и до сих пор продолжает заниматься государственной работой. Эти люди внезапно оказались членами совета директоров разнообразных компаний, руководителями наблюдательных советов, но де-факто они были, если угодно, представителями государственных интересов у основных налогоплательщиков Российской Федерации – иными словами, «смотрящими». И формулировка, которую с гордостью может произнести любой американец – «Я тебе плачу налоги, а ты с моих налогов живешь», – абсолютно не работает,

когда речь идет о России. Полагаю, что даже если бы никто из россиян налогов не платил, государственная казна этого бы особо не заметила, поскольку основными налогоплательщиками являются все-таки естественные монополии.

Но как только эти люди пришли в экономику и стали заниматься делом, которое им было поручено, они сразу стали задавать вопрос: «А это у нас факультатив?» Ну хорошо, даже если предположить, что и вправду факультатив и они за это ничего не получают – или получают пять копеек, – все равно немой вопрос в обращенных на вас глазах остается. Звучит он так: «Ну и? Ну мы же тратим свое время. Благодарность за это когда-нибудь придет?»

Конечно, благодарность должна была приходиться. И проявляться она должна была не только в виде конкретных денег, а на начальном этапе – в виде всего лишь понимания, что вот есть государственные деньги, есть конкурсы, тендеры и тому подобные мероприятия, так почему же не доверить своим, порядочным ребятам, которые точно не враги, а прибыль не направить на финансирование сложных политических структур?

Тем не менее фактически мы все равно имеем дело с политическими назначенцами, которые заодно еще получили всю полноту возможностей коммерческой структуры, и для решения политических задач подход Путина был абсолютно оправдан. Но его изъяны и недостатки более чем очевидны. Важно отметить, что за все годы, прошедшие с момента установления рыночных отношений в России, не были заложены основы уважения к частной собственности. Этого не произошло ни при Горбачеве, ни при Ельцине. Какие бы лозунги при этом ни провозглашались, в реальности частная собственность выглядела более чем условной – в самом деле, смешно говорить о частной собственности, когда купленные олигархами суды лишали людей их копеек, если это было угодно богатому заказчику.

Итак, друзья Путина стали притчей во языцех. Если посмотреть на колоссальный рост их благосостояния, то можно только порадоваться за то, насколько у них все хорошо. Интервью Владимира Владимировича трем федеральным каналам, в котором он четко сказал, что задача – не просто взять и уволить министра, а заставить его работать, наглядно отражает его сильные стороны, которые в какой-то момент времени начали обращаться в свою противоположность.

Преданность друзьям, умение прощать ошибки, страстное желание заставить команду работать, бесспорно, являются положительными качествами. Кроме того, нет сомнений, что Путина сложно назвать мстительным человеком. «Как же так, как же так?» – вероятно, кричат сейчас фанаты Ходорковского, но я приведу обратный пример. Уж насколько Яковлев сложно себя вел во времена гонений на Собчака – и то Путин ни разу не опустился до личной мести. Замечу, кстати, что крайне наивно считать, будто в случае с Ходорковским все дело было в личной мести. Попытка сейчас нарисовать образ святого и нежного агнца крайне далека от исторической правды, а стремление зачислить Ходорковского в демократический стан и вовсе выглядит бредом. По крайней мере, когда сам Михаил Борисович, будучи еще на свободе, высказывал свои политические воззрения, ни малейшего демократического ощущения его слова никогда не создавали.

Тот факт, что преданность Путина друзьям и искреннее желание заставить людей на местах работать приводят к обратному результату, показывает, что, к сожалению, иногда друзья Путина оказывают ему самому медвежью услугу. Подобным образом можно расценить, например, поступок Алексея Леонидовича Кудрина, который во время поездки в Вашингтон осенью 2011 года высказывал перед журналистами критические замечания в адрес будущего правительства и рассуждал о своем желании или нежелании там работать, что действительно являлось нарушением дисциплины и субординации. Этим демаршем и последовавшим за ним публичным пикированием с президентом Медведевым Кудрин поставил премьер-министра в крайне неудобное положение, поскольку в данной ситуации Путин был вынужден как бы выбирать между государственным долгом и личными привязанностями. Здесь его выбор

всегда очевиден и всегда однозначен, поэтому предвидеть реакцию Путина на описанные события было крайне легко.

Опять-таки, можно вспомнить долгие дружеские отношения Владимира Владимировича с генералом Виктором Черкесовым и его женой и заметить, что в момент резкого столкновения Черкесова с Николаем Патрушевым и Сергеем Ивановым Путин принял соломоново решение, в результате которого все трое потеряли свои позиции. В ходе же дальнейшего развития событий, в зависимости от внутренних обстоятельств, вновь обретенные участниками недавнего конфликта позиции были неравновесны и неравнозначны. Очевидно, что Путин уж точно никому лично не мстил и не пытался добить ни оппонентов, ни друзей, в какой-то момент времени позволивших себе решение или высказывание, которые, по мнению премьер-министра, могли бы поставить его в сложное положение. Но увы, зачастую имеет место трагическое несоответствие уровня личной ответственности Путина и уровня личной ответственности его друзей, которые считают, что дружба с ним – скорее индульгенция, чем обязательства.

Глава 4

Важный момент, который не следует упускать из виду, заключается в том, что феодальный принцип кормления всегда вступает в конфликт с капиталистическим принципом священности и неприкосновенности частной собственности. По большому счету, это две противоположные системы. После отказа от социалистической системы российское общество столкнулось с реальной необходимостью существовать в разностороннем и сложном юридическом поле. Как следствие, Думе приходилось принимать новые законы, что, в свою очередь, должно было привести к появлению органов, надзирающих за этими законами и защищающих право собственности – то есть судов. Да, конечно, суды в России были всегда. Но никогда на них не падал такой объем работы, а главное, никогда их деятельность не была под таким пристальным наблюдением.

Что же показало пристальное наблюдение за деятельностью судов? То, что ее нельзя пускать на самотек. Хорошо, что в России не действует англо-саксонское право, а то вдруг, не дай бог, здесь стал бы работать прецедент! Это же какой ужас! Ведь тогда получается, что решение, принятое где-нибудь в Ханты-Мансийске за большие или небольшие деньги либо бывшее попросту ошибочным, оказалось бы вдруг законом для всех остальных. Нет уж. У нас по двум абсолютно одинаковым делам могут быть вынесены два принципиально разных решения суда. И не надо искать в этом логики – надо искать суть.

Начало этому явлению положили веселые юноши 90-х годов, позже получившие название олигархов, которые гуляли по России, как по буфету. Осознав всю силу судебных решений, они пользовались этим самым отсутствием прецедентного права налево и направо, скупая на корню все подряд. Именно поэтому абсолютно безнадежной выглядела бы попытка на территории, где основным экономическим игроком был пресловутый ЮКОС, выиграть у того же ЮКОСа хоть одно судебное дело, или попытка судиться с «Лукойлом» на земле «Лукойла» – список можно продолжать. Доходило до смешного: в арбитражных судах существовали отдельные судьи, специализировавшиеся на конкретных коммерческих структурах. И конечно, процент побед у этих коммерческих структур был удивительно высок.

К концу периода президентства Бориса Ельцина судебная система оказалась полностью отдана в лапы олигархам. В какой-то момент времени Кремль осознал, что с этим придется бороться, и решил, что в сложившейся ситуации навести порядок в стране невозможно. Необходима какая-то реально независимая судебная система. Но в России часто бывает так, что на смену одному рабству приходит другое рабство, освобождающее от первого, после чего система как раз и становится по-настоящему независимой.

Очевидно, что Путин, придя к власти и начав борьбу с колоссальной продажностью подавляющего большинства судебных работников, мог доверять только тем, кого еще академик Сахаров называл образцом неподкупности, – то есть представителям правоохранительных органов. Поэтому в администрацию президента было делегировано большое количество доросших до генералов сотрудников, единственной, пожалуй, задачей которых было курирование судебной системы. Понятно, что свою волю они могли транслировать только путем донесения до сознания отдельных судей. Притом сложность работы с судами заключалась еще и в том, что даже если, скажем, председатель суда либо руководитель состава был осведомлен о позиции государства, это могло ничего не значить. Олигархи, не стесняясь, платили такие сумасшедшие деньги боковым судьям, что зачастую очевидно противоправные и продажные решения проходили даже против воли Кремля.

При всем этом уважение к судебной системе было таково, что просто так взять и наказать не представлялось возможным. Кроме того, необходимо было учитывать существовавшую судебную практику, при которой суды оказались завалены совершенно неподъемным

количеством работы. Уровень беспорядка был настолько высок, что еще в конце 90-х – начале 2000-х годов за попадание дела к конкретному судье – только за это! – платили от пяти до десяти тысяч долларов. Не удивительно, что даже у сотрудников канцелярии накапливались внушительные суммы, а любой человек, попавший на кормление на должность судьи, сразу становился очень богат – просто по факту назначения. Деньги лезли в карман сами. Ну а обмануть компьютерную систему – это национальная русская забава.

Страшно себе представить суммы, о которых идет речь, когда мы говорим о суде. Когда-то я докладывал Путину, что ситуация в судебном мире достигла совершенно удивительного накала. Адвокаты делились на две категории: первые знали, с кем поговорить, чтобы раздался звонок, а вторые знали, кому и сколько надо заносить. Все остальное – риторика, знание законов – отходило на второй план. Конечно, сейчас мы говорим о знаковых делах, но именно знаковые дела и определяют все происходящее.

* * *

Так вот, чтобы бороться с этой продажной, коррумпированной системой, необходимо было предпринимать активные усилия. При этом хотелось создать некий противовес бандинским и олигархическим деньгам, и он был создан – в виде званий, назначений и чинов, решения по которым принимались администрацией президента.

На место олигархов пришло государство, которое с железной настойчивостью перехватило инициативу, учредив тот самый ручной режим управления, который с разной степенью успешности был реализован администрацией президента. Но тут сработала давнишняя отечественная традиция, в соответствии с которой чиновные мужи постепенно начали путать, как в классической советской комедии, свою шерсть с государственной. Они и рады бы выполнять государственную функцию, но у государства такое количество лиц и они такие разные, что немудрено и запутаться. И вот уже начинаешь думать: ну разве государство – это не я? Я же сотрудник администрации президента! Почему бы не транслировать не волю государства, а мою собственную?

Получилось так, что администрация президента стала играть колоссальную роль в судьбе судебных работников. Именно они с серьезными лицами приходили и говорили, что того они рекомендуют, а этого не рекомендуют, именно от них зависело продвижение судьи и получение им наград. И здесь обнаружился еще один очень важный момент. Оказалось, что судьи являются слугами нескольких господ. Я сейчас отнюдь не имею в виду Фемиду, которая, как известно, должна стоять с завязанными глазами, – о ней речь вообще не идет. Судьи оказались, с одной стороны, крайне зависимыми от воли сотрудников администрации президента, а с другой стороны – от воли региональных лидеров. В частности, прекрасно научилась «дружить» с судами столичная власть, во многом показывая пример подобного умения и всем остальным субъектам федерации. Не секрет, что московская мэрия откровенно доплачивала судьям через систему так называемых «лужковских надбавок». Хотя, если вдуматься – о какой независимости суда может идти речь, если власти города официально предоставляют судьям разнообразные доплаты? Разумеется, было бы смешно даже предполагать, что московская власть способна проиграть хоть один суд в городе Москве. Кто же будет кусать кормящую его руку?

Я сам столкнулся с прелестями судебных тяжб с местными властями, когда в 2006 году на меня подал в суд мэр города Самары. Первоначальная сумма иска составляла десять миллионов рублей, разбирательство тянулось почти два года, а в итоге по решению суда меня обязали выплатить самарскому мэру семьдесят тысяч. Фактически мне было сказано: «Дайте, пожалуйста, денег, потому что мэру обидно. Извиняться не надо, опровергать не надо – мы же не говорим, что вы сказали неправду. Но ваши слова его очень сильно обидели,

поэтому дайте чуть-чуть денег». Мне эта ситуация показалась совершенно фантазмагорической, и я подумал, что у меня, пожалуй, есть только два варианта: либо дать денег, либо купить на эту сумму леденцов и протянуть обиженному, чтобы он, как в детстве, не ныл и не ругался. Мне-то всегда казалось, что суд выясняет истину, а не занимается столь откровенно изъяснениями в любви к представителям региональной власти.

Полученная на кормление должность в перспективном месте делала жизнь сговорчивого судьи запредельно сладкой – как в уже довольно давней истории Людмилы Майковой, которую сладость довела до того, что она просто потеряла представление о реальности. Понять нетрудно! Не могу гарантировать цифру, но возникает ощущение, что благодаря госпоже Майковой перераспределялись суммы, сравнимые с бюджетами крупных африканских стран. И конечно, когда я стал позволять себе критику в адрес того, что она делает, и решений, которые она принимает, то невольно всколыхнул целую толпу ярких поклонников – нет, отнюдь не самой судьи, а ее особых талантов. А особые таланты Людмилы Николаевны заключались в том, что определенные коммерческие структуры на редкость замечательно и благостно побеждали во всех судебных разбирательствах. Хотя, кажется, при этом и госпожа Майкова чувствовала себя хорошо, и остальным судьям было неплохо, и московское правительство, по всей видимости, получало немало.

Хронология событий интересна и в определенном роде поучительна. В августе 2004 года Людмила Николаевна приобретает квартиру и место в подземном гараже в жилом комплексе на Воробьевых горах у компании, которая в ее суде многократно проходила как сторона процесса, причем стоимость квартиры была занижена приблизительно на семьсот тысяч долларов. В то же самое время госпожа Майкова обращается в правительство Москвы с жалобой на свои жилищные условия и с просьбой предоставить отдельную квартиру для нее самой и для ее дочери, которой тогда было двадцать три года. Правительство идет навстречу и принимает распоряжение, согласно которому была предоставлена отдельная квартира Людмиле Николаевне и еще одна квартира – ее дочери. То есть – еще две квартиры, не считая родного угла. Судья освобождает для Москвы квартиру на Осташковской улице, а взамен получает более просторное жилье в новом доме на Мичуринском проспекте и отдельную квартиру для дочки в районе метро «Щукинская». Оформлялось это как обмен с доплатой, причем сумма доплаты была не то чтобы символической, но и не такой большой, как можно было ожидать. Кроме того, по документам, находившимся в финансовом департаменте города Москвы, доплату перечислил некий коммерческий банк по поручению госпожи Майковой.

Когда я начал раскручивать эту комбинацию, Людмила Николаевна попыталась объяснить свои квартирные сделки через газету «Ведомости», написав, что необходимость переезда возникла в момент рассмотрения в окружном арбитражном суде дела об аренде аэропорта Домодедово. Якобы на нее оказывали давление, вплоть до того, что неизвестные люди пытались напугать судью в подъезде ее собственного дома.

Оказывается, Людмила Николаевна бросилась приобретать квартиры с перепугу! Видимо, испуг был и вправду сильный, потому что его хватило аж на несколько квартир. Я не поленился, проверил по информационной базе. Дело об аренде аэропорта Домодедово рассматривалось в ФАС МО в начале 2004 года, а 10 марта ФАС МО уже отменил решение и отправил дело обратно в первую инстанцию. Но разве в это время рассматривалось только одно дело – домодедовское? Нет, ФАС МО разбирает сотни дел одновременно. Пугали судью, как она сама говорила, неизвестные люди. Для чего тогда понадобилось белыми нитками пришивать к инциденту Домодедово? Кроме того, так и осталось неизвестным, когда был этот случай в подъезде и был ли он вообще. Фактически Майкова прямо указала судебному коллективу, кто у нее в немилости, кого надо «мочить».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.